

На правах рукописи

БЕЛОВА
Наталья Андреевна

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

13 ОКТ 2011

Москва
2011

Работа выполнена в Секторе этногендерных исследований
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Пушкарева Наталья Львовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор **Белова Анна Валерьевна**
(Тверской государственный университет)

доктор исторических наук, **Волкова Елена Юрьевна**
(Костромской государственный технологический университет)

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный
университет, кафедра гендерных исследований

Защита состоится « 8 ..... » ноября ..... 2011 г. в 14³⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д 002.117.01 по защите диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук
при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Макла
РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, 32а, кор. В).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии
и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Автореферат разослан « 30 » сентября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук

А.Е.Тер-Саркисянц

Общая характеристика работы

Изучение образа жизни и особенностей быденного социального поведения учителей – одной из важнейших и самых многочисленных групп в числе лиц интеллектуального труда – задача, до сих пор не только не решенная, но и не поставленная как специальная современной российской исторической наукой. Между тем, ведущая роль в достижении любых идеологических и политических целей принадлежит образованию и воспитанию, и роль учителей в этом процессе трудно переоценить. Не случайно, история школы и образования в нашей стране активно исследовались отечественными историками, ведь педагоги в советское время считались не просто носителями знаний, которые следовало передать подрастающему поколению, но проводниками государственной идеологии, на которых возлагалась ответственность за подготовку подрастающего поколения. При этом на реальное положение, уровень оплаты труда, повседневную жизнь работников образовательной сферы обращалось очень мало внимания, редко ставилась задача научно изучить жизненные установки, систему ценностей, образ жизни и потребности этой части российской интеллигенции.

Обращение к истории повседневности учителей – большой социальной группы россиян в прошлом и настоящем – это не только восполнение пробела в изучении образа жизни работников умственного труда и образовательной сферы, но и путь апробации возможностей микроисторического и гендерных подходов к изучению общих процессов социально-культурной истории, истории быта и истории образования России в XX в.

Сложность подобных исследований, но одновременно, их особая **актуальность** – в том, чтобы увидеть большое в малом, доказать типичность явлений, показать общее и особенное в структуре повседневной жизни учителей. Важным методологическим подспорьем в этом отношении могут быть новые приемы изучения и исследовательские методики, которые демонстрирует современная социальная история и как часть ее история повседневности. Именно они являют собой пример аналитического изучения быта и обыденности социальной группы с учетом ее психологической, в том числе индивидуально-психологической составляющей¹. Такой подход актуален для современного междисциплинарного гуманитарного знания, изучающего не только общее, но и особенное, не только распространенное, но и уникальное, не только эволюцию общественных систем больших классов (социальных страт), но и жизнь небольших и вовсе малых социально-профессиональных групп в изменчивом мире.

¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 19.

В качестве объекта исследования взята провинциальная интеллигенция, а именно учительская ее часть как особая социальная профессиональная группа. Предметом исследования являются изменения повседневной жизни и обыденности провинциального учительства, его социального поведения, установочно-ценностной сферы, особенности бытовых и семейных отношений в этой социальной среде, формы коммуникации, влияние на нее идеологии (прежде всего официально-коммунистической), характерной для советского общества разных этапов его развития. Изменения в повседневности учителей, если таковые будут обнаружены, позволят поставить и решить новые вопросы, в частности, том, как меняется быт людей под влиянием изменений в идеологии страны. Из множества исследований истории России 1920-х гг. нам известно, что первые десятилетия советской власти определяющее значение имел образовательная составляющая. Мы ставим вопрос: как сочетание образовательной и воспитательной составляющих отражалось на жизни самих учителей, в какой мере и когда возникла ценность профессионального и личностного роста (вместо готовности жертвовать собой во имя общего блага), как это изменило образ жизни и обыденность педагогического состава региональных школ? Поскольку значительную, если не преобладающую часть учительства составляли женщины, важно понять как ценности их личной, частной, в том числе семейной жизни постепенно замещали те, что навязывались идеологами, как и насколько все эти изменения в семейно-бытовой жизни учителей были связаны общеполитическим контекстом, сменами идеологических установок.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1917 до 1991 гг., что позволяет поставить и решить задачу изучения структур повседневной жизни советских учителей в одном, достаточно типичном большом регионе Центральной России.

Географические рамки исследования - одна из областей Верхнего Поволжья с преимущественно русским населением, Костромской край (Костромская область). Границы исследуемого региона неоднократно менялись. До 1929 г. это была Костромская губерния, которая 14 января 1929 г. Постановлением ВЦИК была переименована в округ и включена в состав Ивановской промышленной области, а с 1936 г. находилась в составе Ярославской области. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР 13 августа 1944 г. была вновь образована Костромская область из 26 районов. Заметим, что все эти многочисленные административно-территориальные изменения мало влияли на жизнь простых граждан, в том числе и учителей.

Историография. Обращение к истории советского учительства заставило произвести первичную систематизацию библиографического материала, разделив его на две группы. Первая - работы по истории быта и

истории повседневности разных периодов советской истории; вторая – публикации по истории образования и формирования учительской интеллигенции.

Хронологически историографию проблемы можно разделить на два этапа: *советский* (до 1991 г.) и *современный* (с начала 1990-х – по настоящее время). Очевидно, что распад СССР повлек за собой освобождение исторической науки от идеологической заданности, породил новый взгляд даже на привычные стороны нашего прошлого. Именно тогда описательная история быта стала пополняться работами специалистов, работавших на стыке социальной истории, социально-культурной антропологии, обновленного краеведения, историко-этнологических и историко-психологических исследований. Речь идёт об истории повседневности¹.

История изучения быта российских учителей берет начало в 1920-х гг., когда вышли в свет первые исследования по общим вопросам становления новой интеллигенции. В них обобщался опыт её жизни и деятельности, определялись роль и задачи этой социальной прослойки, предпринимались попытки выделения различных её «типов» в зависимости от роли, которую играли ее представители в духовном производстве². В работах большевистских идеологов (В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, М.Н. Покровского) тема учительства поднималась³ – но никто из них проблемы их быта не касался, все размышляли о том, какие могут быть предъявлены к ним требования⁴: учителя старой закалки считались навсегда зараженными «мелкобуржуазным народничеством», идейными консерваторами. Первые попытки исследований труда и быта просвещенцев, а также характеристика учительства по показателям (возраст, пол, уровень образования, производственный стаж, социальное происхождение, вовлечение в партийные и комсомольские организации) также относятся, однако, к тем же 1920-м гг.⁵: именно тогда

¹ Пушкарева Н.Л. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта // Социальная история российской провинции / отв. ред. В.В.Канищев. Тамбов: «Юлис», 2004. С. 7.

² Рейснер М. А. Интеллигенция, как предмет изучения в плане научной работы. // Печать и революция. 1922. №1. С. 93; К первому всесоюзному учительскому. Свердловск, 1924. С. 3-6.

³ Ленин В. И., КПСС об интеллигенции М., 1979; Бубнов А.С. Статьи и речи о народном образовании. М., 1959. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988; Луначарский А.В. Собрания сочинений. В 8 т. М., 1963-1967. Крупская Н.К. Вопросы народного образования. М., 1918 и др..

⁴ Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 года. Полн. собр.соч. Т.36.С.420; Луначарский А.В. О воспитании и образовании. - М., 1946. С. 3;Крупская Н.К. Статьи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые должен знать каждый учитель/О воспитании и обучении. М., 1946. С. 213-218.

⁵ Ингулов И. РКП (б) и учительство. Что сказал XIII съезд о задачах учительства. М., 1924; Дробот М. Великий перелом (учительство о себе). М., 1925; Стуков В.Н. От Шкраба к советскому учителю. Ярославль, 1925; Учительство на новых путях. Л., 1925; Ефременко Л. Проблема педкадров//Народное просвещение. 1929. № 8-9. С. 106-109. Крылов В. Как живёт и работает наш городской просвещенец // Вопросы просвещения.1925. №5.

были опубликованы статьи, отражавшие взгляды на жизнь учителей, и материальное, правовое и политическое бесправие¹.

На страницах изданий Верхнего Поволжья, особенно педагогических регулярно публиковались статьи, авторы которых освещали взаимоотношения верхневолжских учителей и власти, количественные и качественные изменения в их составе, работу местных педагогически учебных заведений². Действительно, в 20-е гг. не было создано обобщающих трудов по проблеме повседневности педагогического состава школ, но были подняты важнейшие вопросы процесса становления нового учительства определены основные направления исследования темы: досуг педагогов бюджет, общественные обязанности и дефицит времени на их выполнение.

Упрочение тоталитаризма, сталинская “культурная революция” массовые репрессии 30-х гг. негативно отразились на состоянии дел исторической науке. В немногочисленных исследовательских работах этого времени рассматривались, в основном, общие вопросы становления советской образовательной системы³. Статистические выкладки в трудах анализирующих состав специалистов, подготовленных за годы советской власти, в том числе и в области просвещения, служили доказательствами успехов правящей партии в деле подготовки новых кадров интеллигенции⁴. Специальных работ по истории учительства в 30-е гг. практически не было за исключением кратких биографий отдельных учителей страны⁵. В немногих статьях анализировалось педагогическое творчество и методы преподавания известных учителей, их взаимоотношения с учениками. В те же самые годы зарубежная (эмигрантская) историческая мысль пыталась восполнить возникающий пробел, осмыслить перемены в жизни нового советского учительства. Так П.Н. Милюков исследовал численный состав, социально происхождение, материальное положение учителей⁶.

Великая Отечественная война, трудности тех лет отодвинули исследование жизни и быта советского учительства на второй план. Н двадцатипятилетие советского педагогического образования не осталось незамеченным. К этой дате в 1942 г. на страницах “Советской педагогики” была, опубликована статья И.Г. Клабуновского. Она не отличалась глубоко

¹ Лысяков Н. Из груды учительских стихов//Народный учитель. 1927. № 7-8. С. 108 и др.

² Богданов И. Угроза развитию школьного дела// Вестник просвещения Костромского края. 1921. №1
Корнилова О. О политическом перевоспитании школьных работников// Агитатор- пропагандист . 1923 №15.

³ Ярославский Е. О роли интеллигенции в СССР. М., 1936; Волин Б. Октябрьская революция интеллигенция // Исторический журнал. 1938. №11.

⁴ Бейлин А.Е. Подготовка кадров СССР за 15 лет. - М. - Л., 1932

⁵ Печерникова И.А. Учительница-орденоносец Т.И. Бабайкина. Горький, 1939; Голленгер Г.Ю., Тумаровск А.И. Воспитанница Наталья Николаевна Голоснидская. М., 1939; Дзюбинский С. Н. Народный учитель Повесть об учителях Ю. Ф. и Н. М. Головиных. М., 1939; Петров Н.А. Личный пример учителя. М., 1939 др.

⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т2. Ч.2. М., 1993. С. 407 – 433.

анализа, была пронизана советской хвалебной риторикой, не упоминала о множющихся проблемах, характеризуя лишь достижения и успехи¹. Но важным было само обращение к исследуемой теме. В послевоенный период продолжили свою работу по изучению современной им школы и учительства Н.А. Константинов и Е.Н. Медынский, стараясь оценить достижения в процессе становления советской школьной системы с 1917 по 1954 гг.². Говоря о рубеже 40-х – 50-х гг., можно уже выделить два направления в изучении истории советского учительства. В рамках первого – анализировались вопросы перехода педагогов старой школы в ряды советских учителей; в них тема быта и повседневности почти не затрагивалась (труды Г.В. Витухновского, Б.С. Штейнбука и других³). Другое направление в изучении формирования советской учительской интеллигенции составили немногочисленные труды, освещающие историю становления новой системы педагогического образования, подготовку новых кадров педагогов – и как раз в этих работах иногда можно найти отрывочные размышления их авторов о том, что же менялось в жизни педагогических кадров советской школы⁴. В исследованиях И.И. Емельянова, Н.И. Красовской, Н.Е. Магарика, очерчивающих ситуацию именно в Поволжье, есть сведения о количестве школьных работников по отдельным губерниям, статистические данные по педагогическим учебным заведениям Костромского края⁵, что позволяет яснее представить себе картину. Но практически ни один из авторов не обращался к анализу жизни и быта учителей, и все, что можно получить из этой литературы – данные по заработной плате и общественной работе учителей.

Интерес к частной жизни десятилетиями «придавливался» системой, которая воспитывала в каждом индивиде умение подчинять личное общественному. В научном плане личное и бытовое также десятилетиями не изучалось, и лишь с началом политической «оттепели» можно заметить некоторые отступления от жестких догматических норм предшествующего

¹ Клябуновский И.Г. Четверть века педагогического образования. // Советская педагогика. 1942. №11- 12. С. 1-11.

² Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы за 30 лет. М., 1948.

³ Витухновский Г.В. Борьба за учительство (1917 – 1919гг.) Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1949; Штейнбук В.С. Борьба большевистской партии за завоевание учительства и вовлечение его в активное социалистическое строительство. (1917 – 1925гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1950; Кокарев А.А. Борьба коммунистической партии за формирование учительских кадров в первые годы советской власти (1917 – 1920) Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1955 и др.

⁴ Жевалков Н.А. Начало социального строительства советского педагогического образования. // Советская педагогика. -1947.-№10.

⁵ Емельянов И.И. Советская школа Костромской губернии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 -1920). Дисс. канд. ист. наук. - М., 1954; Он же. Народное образование в Костромской губернии в первые годы Советской власти. // Ученые записки Костромского государственного пединститута. - 1958. - Т. 4. - Вып.1; Красовская Н.И. История советской школы в Иванове. Дисс. канд. ист. наук. - М., 1953; Магарик Н.Е. К истории высшей школы в Ярославле. // Ученые записки ЯГПИ. -1945. - Вып.5; Иванов А.И. Ярославский педагогический институт. // Ученые записки ЯГПИ. -1958. - Вып.33.

периода, обращение к теме соотношения уровня заработной платы учителей другими социальными группами¹. Исследовательскую литературу 1960-второй половины 1980-х гг. можно разделить на несколько групп. Первая обобщающие работы по вопросам становления и развития советской культуры в них школьная тема затрагивалась косвенно², иногда – в связи с темой взаимоотношений новой интеллигенции и старых специалистов³. Ко второй группе можно отнести труды, по истории советской интеллигенции в целом учителей в частности⁴. Рассмотрение повседневных трудностей и быт учителей упоминается лишь в контексте борьбы за руководящие влияния большевиков среди интеллигенции⁵. К третьей группе относятся работы о учительстве как особой социально-профессиональной группе. В статьях, брошюрах, диссертационных исследованиях дается общая характеристика социальных функций этой профессиональной группы, раскрываются основные тенденции формирования учительских кадров⁶.

Во второй половине 1980-х гг. начался пересмотр старых методов анализа прежних оценок. К этому времени относится рождение такого направления в отечественной исторической науке, как исследование повседневной жизни различных групп общества, в том числе и обычных людей. Поскольку предметом изучения истории повседневности стала сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, постольку в центре внимания историков все чаще стала появляться «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»⁷, иными словами – жизненного мира людей разных социальных слоев (в том числе и учителей), их поведения и эмоциональных реакций на события.

¹ Каганович И.З. Очерки развития статистики школьного образования СССР. М., 1957.

² Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1968; Кабанов П.И. История культурной революции в СССР. М., 1971; КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1972.; Горбунов В.В. Ленин и социалистическая культура. М-Л, 1972.; Зак Л.М. Вопросы культурного строительства в советской исторической литературе. // Культурная революция в СССР. М., 1967.; Она же. История изучения советской культуры. М., 1981. и др.

³ Лутченко А.И. Советская интеллигенция. М., 1962; Он же. Основные этапы формирования советской интеллигенции. // Культурная революция в СССР. М., 1967; Лейкина-Свирицкая В.Р. Интеллигенция в России во 2-ой половине XIX в. М., 1971

⁴ Главацкий М.Е. Советская историческая литература о формировании производственно-технической интеллигенции. // Культурная революция в СССР. 1917-1965. М., 1965; Зак Л.М. Процесс формирования советской интеллигенции в современной историографии. // История СССР. 1982. №2; Советская интеллигенция: история формирования и роста. (1917-1965). М., 1968; Астахова В.И. В.И. Ленин о сущности и социальной природе интеллигенции. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1970 и др.

⁵ Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 71.

⁶ Глебочкин М.П. Формирование коммунистической культуры и социальные изменения сельского учителя. // Социологическое изучение села: социальная структура, труд, управление. М., 1968; Кузьмина П.В. Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности. Л., 1965; Щербаков В.И. Психологические основы формирования личности советского учителя. Л., 1967; Спириин Л.Ф. Формирование профессионально-педагогических умений учителя-воспитателя. Ярославль, 1976 и др..

⁷ Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. 2007. М., 2007. С. 9-21

За прошедшую четверть века изучение истории повседневности превратилось в одно из ведущих направлений исторических, историко-антропологических и культурно-антропологических исследований, ей посвящаются специальные научные конференции¹, она все чаще становится предметной темой специальных исследований².

Современная историография истории учительской интеллигенции, ее участия в гигантском социальном эксперименте социалистического строительства в СССР отличается своей обширностью, содержательной, стилиевой и методологической неоднородностью, дискуссионной направленностью в освещении многих актуальных аспектов рассматриваемой проблематики. Изучение истории российского образования продолжало считаться одной из важных исследовательских тем. Наряду с Москвой, Санкт-Петербургом сформировались региональные центры изучения, регулярно проводились научные конференции, широкие дискуссии³. Обсуждались и переосмыслились многие проблемы истории отечественной интеллигенции: ее происхождение, истоки, характерные черты, роль в жизни общества, вопросы формирования кадров, взаимоотношения интеллигенции и власти, реже ставились вопросы материального и социального положения различных ее групп, в том числе учителей, в определенные периоды советской истории⁴.

В этом контексте выросло число специальных работ, посвященных истории советских учителей. В их ряду диссертационные исследования Ю.Г. Саловой и Г.В. Петровой, в которых подробно освещены проблемы формирования учительской интеллигенции, создание системы педагогического образования в регионе⁵. Определенную ценность для нашего

---

¹ Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. — Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005; Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни, 1920-30-е годы / Под общ. ред. Т. Вихавайнена СПб.: Нева; Летний Сад, 2000; Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь. 1-3 октября 2010 г. и др.

² Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920-30 годы. СПб., 1999; Мазаев А.И. Пространственные искусства и быт (1917-1932) / Страницы истории советской художественной культуры. 1917-1932. - М.: Наука, 1989; Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996 и др.

³ Интеллигенция в системе социальной структуры и отношений советского общества. Тезис докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Кемерово. 19-21 марта 1991 г., Интеллигенция и политика. Тезисы докладов Межрегиональной научно-теоретической конференции. Иваново, 1991.; Культура и интеллигенция России в переломные эпохи: XX в. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Омск. 24-26 ноября 1993 г.; Российская интеллигенция: XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург. 23-24 февраля 1994 г. и др.

⁴ Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа 1921-1925 гг. Саратов. 1991; Будник В.А. Высшая школа и интеллигенция. Советский воспитательный и образовательный эксперимент. 1945-1985 гг. Иваново, 2003.

⁵ Салова Ю.Г. Организация системы школьного образования в Верхнем Поволжье в первые годы новой экономической политики. Дисс... канд. ист. наук. Ярославль, 1992; Петрова Г.В. Формирование учительской интеллигенции: 1917 - середина 20-х гг. (на материалах Верхнего Поволжья): Дисс... канд. ист. наук. - Кострома, 2001.

исследования представляют и статьи, посвященные учительско интеллигенции периода НЭПа, а также 60-70 гг. XX в.¹. Отдельные аспекты исследуемые нами, нашли отражение в обобщающих работах, посвященные истории крупнейших вузов Верхнего Поволжья². Однако вопрос жизнедеятельности провинциального учительства в них не освещались.

Увеличивается и количество исследований по проблема повседневности советских людей. Общие подходы к этой теме определены во множестве работ Н.Л. Пушкаревой, которая понимает изучение повседневной жизни как попытку через бытовое и обыденное не только «вникнуть в человеческий опыт», но и «понять мотивы поведения людей живших задолго до нас»³. Она считает, что предметом истории повседневности является и быт, и события, точнее - событийная область публичной повседневной жизни, мелкие частные факты и случайности, пути приспособления людей к воздействию внешнего мира, обстоятельства частной, личной домашней жизни. Разумеется, в предмет изучения включены и «быт в самом широком смысле, эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей». Через эмоционально пережитую обыденность описывать повседневную жизнь советского молодого человека и А.Ю. Рожков: он ставит в центр изучения воспоминания ученика о школьной жизни, а в них затрагивается и повседневная жизнь советских учителей (речь о периоде 1920-х гг.). Автор в своем исследовании анализирует положение советского учительства в социальной структуре общества, его повседневные хлопоты и материальный уровень жизни⁴. С особых позиций подходит к повседневной жизни советского города Н.Б. Лебина. Она считает, что после 1917 г. среди городского населения происходило формирование новых установок мировосприятия, рождение «человека индустриального». Процесс этот, с ее точки зрения, шел путем усиления в обществе различных аномалий, распространения девиаций⁵.

¹ Василевская Е.Г. Формирование учительских кадров в Ярославской губернии после перехода к новой экономической политике // Актуальные проблемы истории науки. - Ярославль, 1990; Рябинин А.Н. Учительство Верхнего Поволжья в пропаганде идей новой экономической политики. // Интеллигенция в политической истории XX века; Лебедева О.А. Подготовка учительской интеллигенции в провинции в 60-70-е гг.: достижения и просчеты // Провинция как социокультурный феномен: Сб. науч. тр. - Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2000. Т.2. и др.

² Кузнецова Ю.Б. Ярославский педагогический институт // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. - Ярославль, 1994; Волков Д.А., Миловидов В.Л., Рябинин А.Н. Костромской государственный университет: страницы истории и современность. - Кострома, 2002; Волкова Е.Ю. КГТУ – 75 лет. История и современность. Кострома, 2007 и др.

³ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и повседневность: глазами историка // Вишневский А.Г. (ред.) Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Научная конференция 27-28 февраля 2002 г. Тезисы докладов. М., 2002. С. 44-46; Она же Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5 и др.

⁴ Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека с советской России 1920 – х гг. Краснодар, 2002. С. 99.

⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии в 1920–1930 годы. СПб., 1999.

Такой подход по-своему интересен, поскольку привлекает внимание ко всему необычному, что постепенно становилось «исключительным нормальным».

Важными с точки зрения подходов к изучению истории повседневной жизни учителей можно считать и работы тех авторов, которые брались за тему, но работали с дореволюционным материалом¹.

Региональные исследования условий труда и жизни учителей в первые годы Советской власти – особенно в ракурсе истории повседневности – явление последнего десятилетия². Ряд российских историков³ в поисках новых подходов к изучению темы обратились к микроанализу⁴.

Большой опыт изучения повседневных практик накопили этнологи и социологи. Особо выделим работу И.В. Утехина, в которой на основе семиотического анализа пространства квартиры, находящихся в ней предметов и мебели, а также бесед с ее жильцами предложена оригинальная реконструкция мировосприятия обитателей коммуналок конца советской эпохи⁵. Новый ракурс темы подсказан и современными философами-нарратологами. Исследовательница из Екатеринбурга (Е.Г.Трубина) первой показала (и как раз на основе устных биографий учительниц) возможности изучения жизненного пути (женской) личности на примере жизни отдельных респонденток, понимаемой как «осмысленное целое, существующее для нее самой и для других в форме завершённой истории - автобиографического нарратива»⁶.

Историографический обзор проблемы показал, что такие аспекты, как повседневная жизнь советских учителей в провинции, динамика изменения их состава, вопросы быта, взаимоотношений с властью и окружающим социумом остаются до сих пор малоизученными. Анализу этих и других аспектов учителей Костромского края и посвящена эта работа.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в ней на основе широкого круга источников фактически впервые исследована повседневная жизнь учителей Центральной России (на материалах

¹ Зубков И.В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870 – 1916. М., 2010; Бердова О.В., Лушина Е.А. Костромское учительство (XVIII – начало XX века) / Отв. ред. Герасимов А.А. Кострома, 2006.

² Ялозина Е.Л. Условия труда и жизни советских учителей в 1920-1930-е гг. в ракурсе истории повседневности // *Повседневный мир советского человека в 1920-1940-е гг.*. Ростов-на-Дону, 2009. С. 77-89.

³ См.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000; Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер. Микростория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20 – 30-х годов // *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы* / Под общей ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000. С. 9–26.

⁴ Давыдов А.Ю. *Незаконное снабжение российского населения и власть. 1917 – 1921 гг.*: Мешочники. СПб., 2002. С. 107–126.

⁵ Утехин И. *Очерки коммунального быта*. М., 2001.

⁶ Трубина Е.Г. *Рассказанная. Я. Проблема персональной идентичности в философии современности*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1995.

Костромской области). В работе предпринимается попытка охарактеризовать образ жизни, структуры повседневности учительской интеллигенции (в основном женщины, поскольку педагогический состав школ был феминизирован), а также – по возможности – реконструировать различные способы «говорения» о жизни учителей (то есть основные общественные дискурсы – педагогический, юридический, исторический, культурологический и др.).

Рабочей гипотезой исследования является предположение о том, что феминизация учительского труда (в течение семи десятилетий советской власти) имела следствием особые формы и приемы обучения (вероятно, более эмоционально окрашенные), порождала гендерные предпочтения, определяла своеобразный ритм домашней и семейной жизни – при стремлении женщин-учителей к улучшению материального положения, профессионального и карьерного роста, внешней привлекательности, что может быть трактовано, как тенденция движения от зависимости к самостоятельности, от давления коллектива – к индивидуальной свободе.

Целью исследования является выявление изменений (а также их причин) учительской обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, отчасти – этноконфессиональном (поскольку абсолютное большинство учителей в исследуемом регионе были русскими, как и большинство населения в этой части страны в рассматриваемый период) контекстах. Для выполнения этой общей цели необходимо решить конкретные задачи:

1) На основании сопоставления данных источников разных типов и видов, выявить особенности повседневности провинциального учительства последовательно в разные периоды советской истории, показать изменения и их вектор (направленность);

2) Выявить влияние этноконфессионального и гендерного (большинство учителей - женщины), социально-культурного (значительную часть учителей вначале составляли представители старой школы, выходцы из духовенства и земских служащих) аспектов на статус, положение и быт учительства.

3) Сопоставить с другими социальными слоями уровень жизни учителей, условия их жизни - жилищные, бытовые, производственные, определить культурные потребности и структуру досуговой деятельности.

4) Сравнить меры воздействия государственной власти на учительскую интеллигенцию в разные годы исследуемого периода, проследить динамику их взаимодействия и взаимовлияния.

5) Создать в итоге социально-психологический портрет учителя, точнее – учительницы, работавшей в Костромском крае в 20 – 80 гг. XX века.

Методологическая база диссертации предопределена самим предметом исследования и лежит в зоне пересечения нескольких направлений современного гуманитарного знания – интеллектуальной, гендерной,

персональной истории и истории повседневности (близкой этнографическим исследованиям быта, но не сводимой к ним). Важное место в интеллектуальной истории занимает микроанализ: будь то обращение к конкретной ситуации, отдельной личности или межличностным отношениям. Обращение к истории повседневности советских учителей помогает восполнить пробел в изучении образа жизни работников умственного труда и образовательной сферы в XX в..

Персонализированный, биографический подход позволяет лучше увидеть, каким образом советская эпоха отразилась на судьбах конкретных людей. В тоже время этот подход помог включить в исследование традиционные источники (делопроизводственные материалы, личные дела и т.д.), рассмотреть сквозь призму конкретного человека, его судьбы в определенных жизненных обстоятельствах. Проведенные полуструктурированные интервью с опросником (гайдом, путеводителем), в котором обозначались проблемно-тематические блоки беседы с участниками исследования¹, позволили обратиться к сущностным сторонам повседневной обыденности, рельефно выявить структуры повседневности и их эволюцию на протяжении советской истории. Антропологический подход позволил увидеть советскую повседневность глазами самих учителей, выявить общее и особенное в их рассказах о себе, а гендерный – не позволил распространить детали повседневной обыденности на все учительство (мужскую его часть в том числе). Гендерный подход позволил по-иному работать с самим автобиографическим материалом, видеть за ним не просто людские, а именно женские судьбы, женский социальный опыт – менее изученный, менее «проговоренный», часто сводимый к общечеловеческому, но в реальности имеющий свою специфику. Гендерный анализ социально-исторических явлений позволил деконструировать господствующие в культуре представления о «мужском» и «женском», предписания и ожидания, связанные с полом как моделируемым социокультурным феноменом, вскрывать явные и завуалированные системы доминирования и иерархизации между полами и среди представительниц женского пола в зависимости от возраста и статуса.

Мы основывались также на принципе историзма, позволяющем рассматривать исторические явления и процессы в их становлении и развитии, а также принципе научной объективности, предполагающем анализ всей совокупности фактов в их взаимосвязи.

Методы исследования включают сравнительно-исторические построения, на основании которых было прослежено функционирование советского учительства в хронологическом и региональном сопоставлении.

---

¹ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.

Историко-генетический метод использовался при изучении становления и развития системы образования и профессиональной группы учительства советскую эпоху. Проблемно-хронологический метод дал возможность обозначить основные проблемы в процессе становления советского учительства и проследить их в динамике. Статистический метод применялся для реконструкции и анализа статистических данных. Системный анализ был использован при формулировании выводов и оценок.

Источники: Определяя возможности и информационное богатство фактического и эмпирического материала, способного помочь в раскрытии избранной нами темы, мы разделили источники на несколько групп.

В первую мы включили документы и материалы центральных и местных государственных и общественных организаций. Декреты, постановления, распоряжения советской власти и другие документы нормативного характера отражают общие принципы государственной политики по отношению к народному образованию, учительской интеллигенции и культуре. Отчеты, протоколы, информационные справки органов власти различного уровня позволяют проанализировать направления и итоги их деятельности в области школьного строительства и различных аспектов формирования кадров советских учителей¹.

Весьма детальная информация о взаимоотношениях властных структур и старого учительства, подготовки новых педагогических кадров, составе школьных работников содержится в отчетах, протоколах, тезисах докладов и выступлениях, в материалах многочисленных съездов работников просвещения, а так же съездах по народному образованию, по подготовке педагогических кадров, регулярно проходивших в исследуемый период Костромской и других губерниях Верхнего Поволжья². К этой же группе источников относятся и документы профессиональных организаций учительства: Всероссийского учительского союза, Союз учителей-интернационалистов, Союза работников просвещения и социалистической культуры³.

Эти источники позволяют определить цели и требования к учительству как в профессиональной сфере, так и их взаимоотношений с властью в разные периоды, кроме того, они позволяют сделать заключения о

¹ Декреты Советской власти. Тт. 11-14. М., 1962-1988; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства о народном образовании 28 октября 1917 - 7 ноября 1918. Вып. 1, 1919; Основы строительства педагогического образования в РСФСР. Сборник руководящих постановлений и положений. М., 1925; Отчет Иваново-Вознесенского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1923-24 гг. Иваново-Вознесенск, 1925 и др.

² Отчет Костромского Губернского исполнительного комитета о состоянии Костромской губернии 1919-1920 гг. Кострома, 1920; Постановление Ярославского губернского съезда по подготовке учителей, состоявшегося при губнаробразе 10-23 января 1921 г. Ярославль, 1921 и др.

³ Отчет Костромского Губернского исполнительного комитета о состоянии Костромской губернии 1919-1920 гг. Кострома, 1920; Постановление Ярославского губернского съезда по подготовке учителей, состоявшегося при губнаробразе 10-23 января 1921 г. Ярославль, 1921 и др.

количественном и социальном составе школьных работников, увидеть этапы и механизмы решения их материальных, а так же кадровых проблем.

Немалую – и уже *вторую группу* источников – составляют документы и материалы центральных и местных органов правящей партии, которые активно использовались исследователями в советское время для характеристики целей и содержания политики партии в области просвещения и культуры. Мы также не отказываемся от них, ведь при всей идеологической заданности и весьма характерной риторике документы местных партийных организаций позволяют проследить конкретные формы, методы и итоги работы по «обеспечению педагогических кадров новой школы»¹. Мы отдаем себе отчет в том, что эти сильно идеологизированные материалы отражают процесс манипуляции общественным сознанием, спекуляций на идеалах и устремлениях людей, но косвенно эти же источники и позволяют понять, какими именно устремлениями и идеалами идеологи старались манипулировать.

К указанным первым двум весьма пропитанным идеологией документальным материалам примыкает такая весьма своеобразная группа (*третья группа*) источников, как труды деятелей партии и государства, особенно раннего Советского времени. От них сложно отказаться, ведь их авторы были современниками тех событий, которые наложили отпечаток на жизнь учителей, и не просто современниками – но, подчас, вершителями судеб. В этих публикациях отражены основные принципы государственной политики в сфере культуры и народного образования, в том числе и в регионе Верхнего Поволжья. Такие сведения есть в переписке А.В. Луначарского с В.И. Лениным, в трудах местных руководителей народного образования в Костроме. Подчас именно в этих статьях можно найти ценные сведения о составе учительского персонала Костромы в 1918 г., о действиях местных властей по отношению к педагогам: от организации курсов по переподготовке школьных работников и повышения им зарплаты до чисток учительских рядов².

Четвертая и очень значительная группа – это документы личного происхождения. Они распадаются на несколько подгрупп. Во-первых, это дневники, которые представляют собой воспоминания учителей о Великой

---

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 9. Тт. 2-9. М., 1984; Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. М. 1930; КПСС о культуре, просвещение, науке. М. 1984; Костромская областная организация КПСС в цифрах. 1917-1979. Ярославль. 1981 и др.

² Невский В.А. Год советской работы по народному образованию. Кострома, 1919; Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36, Он же О приеме в высшие учебные заведения в РСФСР. Проект постановления Совета народных комиссаров. Там же. Т. 37, Он же Задачи союзов молодежи. Там же. Т. 41. Он же О работе Наркомпроса. Там же. Т. 42. Он же Странички из дневника. Там же. Т. 45; Бубнов А.С. Статьи и речи о народном образовании. М. 1959. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М. 1988. Ленин В.И., Луначарский А.В. Собрания сочинений. В 8 т. М. 1963-1967. Крупская Н.К. Вопросы народного образования. М. 1918. Она же. Педагогические сочинения. В 10 т., М. 1957-1961 и др.

Отечественной войне, фиксировавшие каждодневное событие, внешкольную работу учителей на объектах народного хозяйства. Кроме того, в них можно найти записи о повседневном распорядке дня, каждодневные заботы о трудностях повседневной жизни учителей в 1920-1970-е гг.¹ Немалую часть воспоминаний составляют материалы неопубликованные (учителям не хватало времени заниматься публикацией своих мемуаров, и большая часть их хранится в фондах Государственного архива Костромской области, фонде Костромского союза работников просвещения и Государственном архив новой и новейшей истории²). Некоторые воспоминания изданы, авторы этих работ – учителя советских школ, которые донесли до нас, таким образом, уникальные факты подробностей событий, как школьной, так и общественной работы, достоверно передали колорит изучаемой эпохи³.

Пятая группа источников – анкетно-биографические (личные полевые) обследования, проведенные автором диссертации в 2009-2011 годах в Костромском, Островском, Межевском, Поназыревском, Кадыйском, Нерехтском, Боговаровском, Солигалическом, Красносельском, Вохмском, Сусанинском, Шарьинском, Судиславском, Чухломском, Павинском, Макарьевском районах, г. Волгореченске Костромской области. Опросы проходили по определенной схеме-опроснику, составленному автором. Они включали в себя вопросы о распорядке дня, уровне заработной платы, цен на товары народного потребления и продукты, описание производственных и жилищных условий, общественной нагрузке и взаимоотношениях с учениками и родными и др. Всего в ходе исследования было опрошено более 100 учителей Костромской области преподававших в советский период и имеющих стаж работы от 25 лет. Собранные данные позволили увидеть глазами учителей не только предвоенные и военные годы, но и учителей работавших в 1920-е гг..

Шестую группу источников представляют собой материалы центральной и местной периодической печати. Их специфика как источников состоит в том, что пресса обычно является проводником и защитником определенной политики. Развитие большевистской политики в отношении школы и учителей ярко отражают материалы «Правды», «Известий», которые с осени 1922 года почти ежедневно публиковали статьи о школьном строительстве. Сообщения корреспондентов местных газет отражают различные настроения общества, а так же оценку деятельности властей. В 1920-е гг. выходили в свет многочисленные педагогические издания: центральные журналы – «На путях к новой школе», «Народный учитель»,

¹ ГАКО. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 39; Варенцов П.С. Воспоминания о работе в Островской средней школе. Музей средней школы Островского района. Костромской области. 1980.

² ГАКО. Ф. Р-551. Оп.1. Д. 23; ГАНИКО. Ф. 1337. Оп. 2. Дл. 1-12;17-20;29-31;39;50;59-633;68;75;80;84-89;96-99 и др.

³ Панфилов В. Вопреки комплексной программе и «Дальтон плану» // Вохмская правда. 1989. Январь. Цветкова П. Со всем пылом души(воспоминания)У Северная правда. Кострома. 1967 и др.

«Народное просвещение»; с осени 1924 «Учительская газета». На их страницах нашла отражение специфика процесса создания нового учительства, его общий ход и итоги. Богатейший фактографический материал содержится в публикации местных педагогических изданий: сообщения о ходе различных кампаний среди учительства. Программы курсов, кружков, результаты обследования разных педагогических учебных заведений, общественной работе педагогов, а так же личные свидетельства учителей об условиях жизни, работы, настроениях преподавателей. Они запечатлели характерные черты формирования и жизни учителей Костромской области¹.

Ещё одна (*седьмая*) группа источников – статистические материалы, издававшиеся в 1918-1991 гг. как в центре, так и местным статистическим управлением. Благодаря этим источникам были отслежены количественные и качественные (пол, возраст, образование, стаж) характеристики школьных работников региона и выявлена динамика изменения соотношения старых и новых педагогов в составе советского учительства в исследуемый период².

Восьмую группу представляют визуальные источники, хранящиеся в личных архивах учителей. Данный тип источника, позволил воссоздать образ, одежду, а так же передать характер запечатленного отрезка времени. Кроме того, фотографии позволяют увидеть изменения, происходившие с учителями в разные года, какие появлялись перемены в его внешнем образе, увидеть учителя не только в окружении коллег и учеников, но и на отдыхе, дома среди родных и близких.

Автором проведен комплексный источниковедческий анализ, изучены материалы трех центральных и местных архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Государственный архив Костромской области (ГАКО) и Государственный архив новой истории Костромской области (ГАНИКО), изучено 18 фондов, 605 дел. В целом источники эти по проблеме повседневной жизни учительства Костромского края в исследуемый период достаточно разнообразны. Их комплексный анализ с учетом общественно-политической ситуации и человеческого фактора позволил выйти на решение основных задач исследования.

Положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 12 статьях, опубликованных в центральной и региональной

---

¹ Смена». Кострома, 1927-1928. «Красный мир». Кострома, 1920-1991. «Работница». Кострома. 1923, «Северная правда». Кострома, 1950-1999; «Волжская новь». Кострома. 1939- 1999; «Молодой ленинец». Кострома. 1962. «Знамя коммунизма». Макарьев. 1950-1980; «Макарьевский вестник». Макарьев. 1991-1999. «Новая жизнь». П. Георгиевское. 1991-2003.

² Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. Т.1. Часть III. М., 1930; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970; Социальный и профессиональный состав населения по Костромской области. Кострома. Март 1973. Культурное строительство РСФСР. Стат. сб. М., 1958; Народное хозяйство Костромской области в 1989 году. Стат. Сб. Кострома. 1990; Народное хозяйство Костромской области в 1980 году. Кострома. 1981 и др..

научной печати, а также сборниках (3 из этих статей опубликованы в реферируемых журналах по списку ВАК). Основные положения исследования были озвучены автором на 3 Международных, 3 Всероссийских и региональной конференциях.

Структура работы: Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения, списка источников и литературы.

Основное содержание работы:

Во введении: обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, географические и хронологические рамки, дан анализ научной разработки проблемы, сформулированы цели и задачи, указана методологическая основа, охарактеризована источниковая база, новизна и научно-практическая значимость работы.

В первой главе «Количественная, этно-конфессиональная и гендерная характеристика советских учителей как социально-профессиональной группы» - изучена прежде всего численность учительского корпуса Костромской области, приведены конкретные цифры: из более, чем 8526 учителей в начале изучаемого периода в городах Костромской губернии преподавало 35% педагогов, 65% – в сельской местности¹. К концу 1991 г., напротив, 70,1% учителей уже проживало и преподавало в городах и городских поселениях². Численное преобладание в этническом плане всегда было за русскими (99%). Вместе с тем, изучение списков преподавательского состава Костромской области выявило, что учителями также работали украинцы, белорусы, татары, евреи, и др.

Идеологическая политика СССР изначально была направлена на формирование преданных режиму представителей преподавательского состава, разумеется – атеистов³. Данных о количестве верующих среди учителей нет. Обращение к постановлениям местных РОНО или приговоров народного суда позволяет найти факты роста религиозного сознания среди учителей, особенно в годы Великой Отечественной войны, а собранные нами материалы автобиографических рассказов подтверждают тот факт, что большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Это не мешало им, не афишируя, тайно, соблюдать некоторые обряды (крестить детей и др.) дома, особенно в 1920-е и 1980-е годы⁴. Напряженность в религиозном вопросе сохранялась, как выявлено нами в ходе исследования,

¹ Отчет губернского исполнительного комитета за 1923 год. Кострома. 1924. С. 120.

² Народное хозяйство Костромской области в 1990 году. Кострома. 1991. С. 253.

³ ГАКО. Ф. Р-550. Оп.1. Д. 23. Л. 25.

⁴ Бояршинова И.И. Личный архив автора. Кострома. 2011. Л.2.

до 1988 года, когда в СССР произошла политическая и идеологическая либерализация.

Гендерный состав учителей Костромской губернии в 1920 году характеризовался, исходя из статистических данных, следующим образом: из 1775 человек 1367 было женщинами, что от общего числа учителей составляло 77%¹. Данное положение связано с демографической ситуацией в Костромском крае, где женщины всегда численно преобладали над мужчинами. К 1980/81 гг. удельный вес женщин составил 72,1%. Таким образом, степень феминизации профессии превосходила средние данные по стране и была одной из самых высоких. Если сравнивать другими отраслями, то в промышленности доля женщин составляла 39%, сельском хозяйстве 54%, здравоохранении 64%². Между тем, как в целом численность женщин-рабочих и служащих к концу 1980-х гг. достигала в стране только половины - 50,9%³.

Переломным этапом в закреплении начавшейся еще в первые годы XX века феминизации профессии явилась Великая Отечественная война. После нее учителей-мужчин вообще практически не осталось, численный перевес окончательно утвердился за женщинами. Последующее течение времени не увеличило количество мужчин среди учителей, так как уровень жизни и средняя заработная плата учительского персонала была значительно ниже, чем в других профессиях. Даже после завершения обучения в педвузах мужчины предпочитали находить другой вид работы.

Во второй главе *«Воздействие идеологического фактора на мировоззрение и систему ценностей учительской интеллигенции»* нами исследовано, как именно, какими путями советские педагоги реализовывали идеологический запрос партии и правительства, ведь учительство считалось одним из основных проводников коммунистической идеологии, ответственным за воспитание нового поколения. Редко, в какой другой профессии требовалось работать на нескольких «ставках», совмещать по 2-3 должности, выполняя при этом общественные поручения и не выпускать из виду необходимость соответствовать образу воспитателя и носителя идей. Данные автобиографических интервью доказывают, что костромское учительство все время ощущало гнет идеологического диктата и чувствовало себя бесправным перед местными исполнительными комитетами и инспекторами. Большинство учителей не имело ни возможности высказать свое мнение, ни отстаивать его, любые попытки быть самостоятельными рассматривались как повод для увольнения, а в период до политической оттепели – еще и репрессий. Политическое и идеологическое воздействие на

¹ Костромская губерния в цифрах 1923-24 гг. Кострома, 1925. С 24.

² Народное хозяйство в СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. Территория и население. Ч. II. С. 141.

³ Народное хозяйство в СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. Социальное развитие. Население. Часть II. М., 1991. С. 154.

учителей в годы советской власти по всей стране было сильным, они страдали от бесконечных проверок, «чисток» рядов, хотя могли быть беспартийными. Те из учителей, что работали на своих местах еще до революции, могли быть отлучены от профессии по причине социального происхождения. Такой контроль сохранялся до 1950-х гг., а с «оттепелью» заметно смягчение политики партии в отношении оценок социального происхождения учителей. Влияние же идеологии оставалось значительным до конца советской эпохи.

Обязательным пунктом общественных нагрузок учителей до 1991 года была работа агитаторами, каждая школа имела свой избирательный участок, а между учителями происходило деление на свои микро-участки, включавшие по 2-3 многоквартирных дома в данном городе или городском поселении (аналогично - на селе, там им, ввиду нехватки, поручали целые улицы или кварталы).

Во времена, когда наличие пришкольных огородных и садовых участков было общей стратегией выживания и воспитания трудолюбия, учителя должны были являть образцы приверженности этой форме досуговой занятости, что не освобождало их, разумеется, от необходимости занимать детей и в иные часы, иными формами внеучебной работы. Именно учителя (учительницы) организовывали вечера, рисовали вместе с подопечными стенгазеты, участвовали сами (а не только руководили) в сборе макулатуры и металлолома. Как правило, все эти поручения были связаны с так называемым классным руководством – понятием, внедренным в советскую школу вместе с созданием новых ее форм при Советской власти. Каждую осень вместе с учениками учителя ездили на уборку урожая в колхозы (что так же было обычной чертой советской региональной и столичной повседневности), в течение нескольких недель жили вместе со школьниками в деревнях, работали с ними в поле.

В советские годы школа отвечала за поведение детей на улице, в общественных местах, за организацию всего свободного времени учеников, за политическое, нравственное воспитание, за их жизнь и здоровье вне стен школы. Каждая учительница должна была иметь и имела постоянные или краткосрочные общественные поручения. В сельской местности учительский коллектив являлся главной опорой администраций деревень и поселков. Все учителя вне зависимости от пола и семейного статуса (а ведь именно на женщинах в советских семьях лежали все домашние заботы) были пропагандистами и агитаторами, принимали участие в народных собраниях, и об этом упоминали многие рассказчицы, в том числе жившие в поселках или больших городах области (Буй, Нея, Мантурово и др.). Свободное время городской костромской учительницы могло быть занято также обязательным присутствием на заседаниях опорных пунктов милиции по

борьбе с правонарушениями, а некоторым из учительниц поручали как раз посещение «оступившихся» в социальном смысле.

Если вышеописанная картина была типической для сталинского времени, то повышением значимости различных социальных организаций в период политической оттепели, в 1950-1960-е гг., с появлением и работой в школах детских и молодежных организаций, общественная нагрузка учительниц начала медленно, но постепенно сокращаться. Это предполагало возможность для педагогов более сосредотачиваться на выполнении прямых обязанностей, совершенствоваться, повышать профессиональный рост, но большинством информантов вспоминается просто как облегчение жизни, когда возникла, наконец, возможность уделить больше внимания семье и воспитанию собственных детей.

В третьей главе *«Социальное положение и быт советских учителей Костромского края, 1917-1991 гг.»* проанализированы детали, конструировавшие внешкольную обыденность учителей, их досуг и уровень их культурных запросов. В этом разделе работы показано, что заработная плата учителей в течение всего советского периода была одной из самых низких по стране. Скажем, в 1921 году она составляла около 2400 руб. в месяц, в то время, как стоимость пуда муки доходила до 1600 руб.. Бывали годы, когда учителям в течение долгого времени (в 1922 г. – до полугода) не выплачивали зарплату, поэтому многие из них «обучались» приемам социального и самого обычного выживания, и те, кто не бросал школу и не искал другую работу, давали частные уроки, нанимались поденщиками, есть данные и о тех, кто шел просто побираться, просить милостыню. В 1925 г. в Костромской губернии высококвалифицированный учитель получал заработную плату на 40% меньше, чем промышленный рабочий. Вследствие продовольственного кризиса 1928–1932 гг. материальное положение учителей ещё более ухудшилось, в стране была введена карточная система. При ней учителя по всей стране были отнесены к третьей, самой низшей категории снабжения. По карточкам они изредка получали чай, крупы, соль и хлеб. Для того, чтобы увеличить доход, учителя совмещали административно-хозяйственные должности с преподаванием 3-4-х предметов. Действительное повышение заработной платы учителей произошло лишь в апреле 1936 г., когда средняя ставка учителя была приравнена к средней ставке рабочего. Однако уже к концу 1930-х гг. наблюдался такой резкий скачок цен на все товары (к 1940 г.- более, чем в два раза), что бюджеты учителей по стране вновь оказались одними из самых скромных. В годы Великой Отечественной войны увеличилось количество выплат в пользу государства, что снизило и без того невысокий доход учителей. По всем собранным нами данным, в 1940-е гг. учителя и их семьи могли позволить себе лишь продукты первой необходимости, молоко и хлеб. В последующие послевоенные годы жалование учителей по-прежнему

оставалось невысоким. Учителя в советском провинциальном городе, вроде находящейся в 400 км от столицы Костроме, могли приобрести только самое необходимое. Из продуктов питания это были в основном: картошка, молоко, хлеб и соленья, изредка мясные изделия.

Определенные изменения почувствовались на излете политической оттепели и первых попыток экономических реформ, когда (в 1964 г.) был проведен пересмотр системы оплаты труда просвещенцев. Это несколько подняло уровень жизни учителей, но, сопоставление их доходов с зарплатами рабочих, показало, что и к 1970 году рабочие в промышленности получали на 17,2%, а к 1986 году на 28%¹ больше, чем учителя. Таким образом, уровень дохода учителей (при всей привычной риторике о важности их труда) всегда был невысоким, позволяя удовлетворить лишь самые насущные потребности. Любопытно, однако, что воспоминания самих учителей об их жизни показало отсутствие ощущения социального неравенства по сравнению с другими слоями советского общества. Многие информанты говорили о том, что в те годы «все советские люди, за исключением номенклатурных работников, жили скромно». Бесплатное медицинское обслуживание, относительно доступный отдых, стабильные цены на товары первой необходимости в 1960-80-е гг. обеспечивали, как выяснилось, приемлемое для большинства из них социальное самочувствие.

Начиная с 1920-х гг., жилищные условия городского учительства были не какими-то особыми, а скорее свойственными всей городской интеллигенции². Многие жили в коммунальных квартирах, о которых остались соответствующие воспоминания («темные коридоры – следствие экономии света, самостоятельно запирающиеся замками комнаты, темные и запущенные уборные, такие же кухни»)³. Готовили в основном на кухне или в коридоре, на печурках, из-за чего копоть и дым делали быт обитателей таких квартир ещё более невыносимым. В сельской местности, в поселках городского типа ситуация тоже была напряженной – квартиры учителям должна была предоставлять местная администрация, но большинство преподавательниц школ было вынуждено самостоятельно искать жилье, договариваясь с крестьянами.

В 1920–1930-е гг. из-за низкой обеспеченности материальной базы многие здания школ Костромского края находились в аварийном состоянии. Учителя работали в тесных, непригодных для занятий помещениях, при скудном освещении, а подчас и отоплении. Остро стоял вопрос с

---

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 200.

² Гибельман И., Равнин И., Фузер Е., Соколов Я. Труд и здоровье педагога. Научно-популярные очерки по материалам обследования института им. В.А. Обуха по изучению профессиональных болезней. М., 1926. С. 47.

³ Там же.

методическим снабжением учителей, в классах отсутствовали письменные принадлежности, часто – столы и даже школьные доски. В годы войны ещё больше усложнилась ситуация с освещением (нехватка керосина), отоплением (нехватка дров). Учителя сами изготавливали светильники, перья, чернила, из старых книг шивали тетради.

В послевоенные годы в школах постепенно стали появляться специализированные кабинеты по предметам, было налажено снабжение школ наглядными пособиями, оборудованием, но многое приходилось приобретать учителям самим. Эта деталь быта проходит в их воспоминаниях. Электричество в это время во многих поселках отсутствовало, поэтому учителя, «разбравшиеся» в электричестве, создавали самодельные приспособления. С конца 1950-х – в 1960-е гг. началось строительство обновленных зданий школ, появились дома и для учителей, но (как правило) подобное строительство велось некачественно, наспех, под нажимом начальства. В школах оборудовались в первую очередь кабинеты физики, химии, биологии. Впрочем, к 1960-м гг. относятся и общие работы по благоустройству территории школы, приведению в порядок стадионов, пришкольных участков.

К этому времени жилищная проблема провинциального учительства стала все чаще подниматься в обсуждениях местного начальства. В городах учителя все чаще получали квартиры в новостройках, а в сельской местности при помощи колхозов им стали строить собственные дома. Местная сельская администрация с 1950-х гг. предоставляла учителям не только жилье, но и льготы по его оплате в размере 50%, обеспечивала бесплатными дровами на зиму¹. Иногда учителей селили к местным жителям, что было, как считают респонденты, лучше, особенно для одиноких. Из предметов бытовой техники в домах учителей в 1960-е гг. появились телевизоры. Впрочем, смотреть можно было лишь одну телевизионную программу и чаще всего, отмечают респонденты, смотрели фильмы или фигурное катание.

В те же 1960-е годы в квартирах советских учителей появились предметы бытовой техники (холодильники, стиральные машины), что значительно улучшило условия бытовой жизни. При этом материальное и бытовое положение семейных учителей, было лучше, нежели чем у одиноких. Как показывают источники, если мужья у учительниц работали в промышленности или в научной сфере, то такие семьи жили хорошо и могли позволить себе купить раньше других семей стиральную машину, телевизор, а также – крайне редко – автомобиль, изредка (не каждый год) ездить отдыхать на море, а в 1980-е годы – уже и за границу.

В 1950-е гг. школа и учителя были не только носителями новых знаний, но и инициаторами создания кружков и факультативов, которые (как

¹ Перминова Т. А. Личный архив автора. П. Зелябки, Шарьинского района, Костромской области. 2009.

задумывалось свыше) должны были быть «проводниками советского образа жизни».

В четвертой главе «Социально-психологический облик советского учительства Костромской области» проанализированы перемены в мировоззрении и системе жизненных ценностей советского учительства на протяжении нескольких десятилетий советской власти. Известно, что в начале революционной эпохи власть строго контролировала социальное происхождение учителей. Так, в Костромской губернии в общем составе учителей представители служащих в начале 1920-х гг. (бывшие земские служащие, потомственные учителя и др.) составляли 46,1%, выходцы из духовенства 22,8%, крестьянства – 15,2%, мещанства – 11,2%, рабочих – 3,6%, дворян – 1,1%². К середине 1930-х гг. социальный состав учительства существенно изменился, возросла доля педагогов из крестьян (75,5%), из рабочих (6,4%), в тоже время в семь раз упала доля выходцев из духовенства (3,2%), в 3,6 раза – из служащих (12,8%). К 1991 году учителя были в своем большинстве выходцами из служащих, реже – из семей рабочих и ещё реже из колхозников.

Социальное происхождение учителей после Великой Отечественной войны уже не играло той роли, какую оно играло до войны. Произошли резкие перемены в самом бытовом режиме. Если за опоздание на работу с 1927 по 1945 гг. на время, превышающее 15 минут, на учителя заводилось дело в народном суде, а за прогул рабочего дня – уголовное, то в 1950-е гг. назначали лишь дисциплинарное взыскание в виде выговора, с обязательной моральной проработкой на педсоветах. В дальнейшем эта пенитенциарная система довольно незаметно ушла в прошлое.

В 1919 г. в России всего 3% учителей имели высшее образование, среднее педагогическое – 12%, общее среднее – 42%, незаконченное среднее 10%, среднее духовное – 2%, домашнее – 17%. В Костромском регионе ситуация была иной: высшее образование имели также всего 3,5% учителей, незаконченное высшее – 5,3%, среднее педагогическое образование – 6,3%, общее среднее – 53,4%, следовательно, образовательный уровень учителей Костромской области был чуть выше, чем в целом по стране. К 1940 г. в стране 36% (344 тыс.) советских учителей имели высшее образование, а 63% (600 тыс.) среднее специальное. Вместе с тем в Ярославской области, в состав которой входила и Костромская земля, численная доля учителей с высшим образованием составляла всего 11,4%, незаконченное высшее было у 10%, а среднее (как общее, так и специальное) у 63% учителей. Количество педагогов с высшим и средним специальным образованием выросло лишь к 1960 г., когда и составило 73%, что не могло не повлиять положительно на формирование облика провинциальной учительской интеллигенции. В

² ГАНИКО Ф.31, оп. 1, д. 504, л. 12.

последующие десять лет число учителей с начальным и неполным средним образованием сократилось до 25,5%. Число педагогов с высшим и незаконченным высшим образованием в 1979 г. составило более половины всех учителей области. Несомненно: за годы советской власти удалось создать новые педагогические кадры, имевшие специальное высшее и среднее педагогическое образование.

Воспоминания свидетельствуют о том, что внешний облик учителей после революции мало отличался от облика людей рядом с ними, в сельской местности одежда учителей мало чем отличалась от крестьян. В основном это были дмотканые вещи, вязаные кофты, тулуп, на ногах носили лапти или валенки. В городах учителя одевались лучше: в сапоги, туфли, платья, иногда костюмы, обычно - темного цвета. К концу 1930-х гг. незначительное улучшение материального положения учителей позволило им приобретать более достойную одежду: ситцевые платья, сарафаны, юбки, для мужчин брюки-галифе. При рассказе о себе все респонденты отмечали скромность и простоту внешнего вида учителей, хотя в сельской местности учитель и учительница всегда были заметными, уважаемыми людьми. Им помогали, поддерживали, а иногда и защищали от произвола властей.

Трансформация повседневности 1950-е гг., связанная с «оттепелью» в советской истории, повышение жизненного уровня учителей отразились и на их внешнем виде. Все вспоминают о том, что в те годы им стало возможным регулярно обновлять гардероб, как правило, раз в год. Кто-то пользовался услугами ателье, кто-то самостоятельно шил, многие умели вязать. Именно в 1960-е годы более широкое распространение среди учителей получила косметика, однако краситься в школу многие из учительниц все еще не решались. По-прежнему внешний вид учителя был строгим, деловым, неярким, аккуратным.

Ослабление партийного руководства школой и учителями, демократические тенденции середины 1980 – начала 1990-х гг. отразились и на внешнем виде учителей. Как и остальные граждане Советского Союза, учителя стали одеваться моднее, зачастую старались занять очередь в магазине, чтобы получить красивую импортную вещь. Они по-прежнему пользовались услугами ателье или шили одежду самостоятельно, пользуясь модным по тем временам, едва ли не единственным регулярно доходившим до провинции, журналом «Burda». Практически все учительницы стали пользоваться косметикой. К началу учебного года, особенно в период ежегодных «августовских учительских конференций» было принято надевать новый наряд. Кроме того, к началу 1990-х многие учителя имели несколько пар обуви и верхней одежды на все сезоны. Однако, определенные требования к внешнему виду сохранились, по сей день учительницам считается неприличным одеваться на работу в шорты, мини-юбки, узкие, обтягивающие брюки, иметь глубокое декольте.

В заключении подведены основные итоги. Исследование показало, что учитель в 1920-1940-е гг. был сильно зависим от партийно-государственной власти, загружен общественной работой, не имел свободного времени и достойной заработной платы, находился в постоянном стрессе из-за многочисленных проверок и чисток. С конца 1950-х гг. на смену принудительной общественной деятельности пришел личный и карьерный рост. К середине 1980-х гг. перестроечные процессы и демократические тенденции отразились и на учительской повседневности, внеклассная работа ушла на второй план, уступив приоритет личному времени и семье.

Подавляющий перевес среди учителей Костромской области всегда приходился на русских, вместе с тем, в школах преподавали также украинцы, белорусы, татары, евреи, встречались и немцы, представители этнических общностей из Прибалтики (латыши, эстонцы, литовцы), финны, армяне. Проведенное нами эмпирическое исследование и личные беседы с учителями показали, что большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Вместе с тем, на вопрос о религиозных обрядах все респонденты ответили утвердительно, причем их совершали тайно, часто в соседних областях или на дому, чтобы местные органы власти не могли проследить. В гендерном соотношении перевес сохранялся за женщинами на протяжении всего советского периода, что привело к ряду неблагоприятных факторов: падению авторитета профессии, росту количества одиноких учителей и пр. За изученные десятилетия кардинально изменился социальный состав учителей. В 1920-е гг. большинство было выходцами из служащих (46,1%), духовенства (22,8%); к середине 1930-х гг. – из крестьян, к концу 1980-х гг. – из служащих (68,2%).

Уровень дохода учителей во все время был невысоким, позволяя удовлетворить лишь самые насущные потребности. Ситуация изменилась к концу 1950-х гг., но собранные интервью не выявили у учителей ощущения социального неравенства по сравнению с другими слоями советского общества. Бесплатное медицинское обслуживание, относительно доступный отдых, стабильные цены на товары первой необходимости на протяжении десятилетий обеспечивали приемлемое для большинства социальное самочувствие.

Обращение к истории повседневности большой социальной группы россиян в прошлом и настоящем восполнило пробел в изучении образа жизни работников умственного труда и образовательной сферы, выявило путь апробации возможностей микроисторического подхода к изучению общих процессов социально-культурной истории, этнографии и истории быта, равно как истории образования в России в XX в.

Публикации по теме диссертации:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

1. Белова Н.А. Учительская интеллигенция в 1920-30-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства// Интеллигенция и мир. 2010. №4. С. 80-91.
2. Белова Н.А. Зарботная плата советских учителей 1920-1960-е гг.// Ярославский педагогический вестник. 2011. №1. С. 36-39.
3. Белова Н.А. Воспоминания, как источник изучения повседневности советских учителей//Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т.17. №1. Январь-март. С. 61-65.

Основные статьи и другие публикации:

4. Белова Н.А. Повседневная работа учителей в 1920-е гг.// IX Лебедевские чтения: Материалы докладов межвузовской научно-практической конференции. Пенза, 10 апреля 2008. С.66-69.
5. Белова Н.А. К истории повседневности провинциальных учительниц 1920-х гг. (на материалах Костромской губернии)//Гендерное равноправие в России. СПб., 2008. С. 14-17.
6. Белова Н.А. Повседневная жизнь костромских учительниц в 1920 – 1930-е гг.// Золотые научные страницы.№1. Кострома. 2009. С.8-12.
7. Белова Н.А. Быт и уровень жизни провинциальных учительниц 1920-х гг. (на материалах Костромской губернии)//Женская и гендерная история отчества: новые проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции 19-21 июня 2009 г. Петрозаводск. С. 71-72.
8. Белова Н.А. Повседневность провинциальной интеллигенции 1920-е гг. (на примере повседневного быта костромского учительства)//VIII Конгресс этнографов и антропологов в России: тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля, 2009 г./ Редкол.: В.А. Тишков [и др.]. Оренбург. 2009. С. 500-501.
9. Белова Н.А. Учительский труд в годы Великой Отечественной войны//Великая Отечественная война 1941-1945 годов в судьбах народов России: уроки, выводы, оценки. Материалы научно-практической конференции. 15-16 апреля 2010 года. Кострома. 2010. С. 185-188.
10. Белова Н.А. Повседневность военного времени: быт и условия труда костромских учительниц в 1941 – 1945 гг.// «Женская история и

современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем»: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), 1-3 ноября 2010 г., Череповец. М., 2010. Т. 1.

11. Белова Н.А. Внеклассная работа, как характерная черта повседневности советского учителя в 1920-1930-е года (на материалах Костромского края)//Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики. Сборник статей. Пермь. 2010. С. 146-152.
12. Белова Н.А. Исследование гендерного состава учительской интеллигенции Костромской области 1920 гг./Материалы IV международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо – Маклая РАН. 20 – 22 октября 2011 года, Ярославль. С. 402-405.

20

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать: 27.09.2011. Формат 60x90 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Ризограф.
Усл. печ. л. – 1. Тираж 100 экз.
Заказ № 25

Отпечатано:
Участок оперативной печати
Института этнологии и антропологии РАН
г. Москва, Ленинский пр-т, 32А. Тел.: (495)938-17-47